

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ*

Практическая значимость темы обусловлена современным положением дел на Южном Кавказе и прежде всего – недавней агрессией Грузии против Южной Осетии и признанием Россией и другими странами независимости Абхазии и Южной Осетии. Эта значимость обусловлена также сохраняющейся напряженностью между Азербайджаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха и других проблем, имеющих между ними в современных условиях. Высокая теоретическая значимость темы статьи, т.к. нет в современной политологической литературе однозначного представления ни о политической культуре, ни об этнополитических конфликтах.

Ключевые слова: этнополитические конфликты, политическая культура, Южный Кавказ, социально-экономическая ситуация, геополитика, сепаратизм.

В настоящее время существует широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия «политическая культура». Нередко ее отождествляют с образовательным и эстетическим уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции и т.д. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, а у другого – высокий или низкий уровень политической культуры [1].

Культура политическая (лат. *Cultura* – возделывание, обрабатывание) – исторически определенный уровень развития политики как отношение в классовом обществе по поводу власти, т.е. государства, одних над другими, выраженных, с одной стороны, в форме конкретного политического режима, а с другой – в форме той или иной политической идеологии, т.е. материальных и духовных ценностей политики [2].

Разнобой в понимании и толковании политической культуры связан и со сложностью положения в общей культурологии. На сегодняшний день насчитывается свыше 400 определений культуры. Но дело не столько даже в количестве, хотя этот фактор тоже осложняет познавательную ситуацию, сколько в существенном различии подходов к культуре, если не сказать о парадигмальном вакууме из-за ограниченности представления понятия «культура» пределами некой совокупности духовных и материальных ценностей той или иной общности людей. То есть в культурологии применяется лишь рационально-научный метод познания культуры, представляя ее как явление природы. В современной теории культуры доказывается, что феномен «культура» не относится к явлениям природы и не может быть приложен к объектам природы [3]. Как феномен культура так или иначе объективируется в повседневности только посредством человеческой жизнедеятельности, однако сама как явление идеальное всегда остается «за кадром». Поэтому, рассматривая понятие «культура», следует различать термины «культура» - нечто идеальное, и «форма культуры» - как правило, объективная реальность. Термин «культура» в

* © Миронов О.Н.

научной лексике и средствах массовой информации сегодня используется в различном понимании его смыслов.

Если же культуру понимать в более узком смысле, как внутриличностный признак человека или социума (по Р.Г. Нугманову), то двусмысленность исчезает, более того, можно говорить о взаимоотношении между «политической культурой» и, например, «духовной культурой» нации. При этом под «политической культурой» можно будет подразумевать культуру, отраженную в политической сфере жизнедеятельности человека [4].

С другой стороны, особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой, по словам К.С. Гаджиева, своего рода «субъективный объект». « В узком понимании она составляет не политику, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире, политике, политическом, законах и правилах их функционирования» [5]. Хотя, по Р.Г. Нугманову, культуру нельзя представлять как объект, ибо она не сущностное, а признаковое явление. Поэтому «комплекс представлений» К.С. Гаджиева следует понимать в некотором «ментальном» смысле.

Возникновение первых концепций политической культуры относится к середине XX в. Во второй половине 50-х – начале 60-х годов США были опубликованы работы Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая и ряда их последователей, в которых ставился вопрос о необходимости изучения специфической области общественных явлений, принадлежащих одновременно и к сфере политики, и к сфере культуры – «политической культуры».

Г. Алмонд и С.Верба определяли «политическую культуру» как систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике, т.е. как феномен, показывающий, каким образом «политическая система интернализировалась» в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения [6].

Такое понимание отличалось от подхода, принятого в те годы в политической науке и вызывало многочисленные критические отклики. Вопреки политической традиции тех лет, Г. Алмонд и С. Верба утверждали: для того, что бы сравнивать различные политические системы, необходимо изучать не только институциональные и конституциональные черты этих систем, но также политические ориентации индивидов (то есть социально-психологические составляющие политической культуры).

Начало изучения отечественными исследованиями политической культуры можно отнести к концу 70-х – началу 90-х годов XX столетия, такими исследователями, как Э.Я. Баталов, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, К.С. Гаджиев, Д.В. Гудименко, Г.В. Каменская, М.М. Назаров и т.д.

Например, Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин отмечали, что «политическая культура в марксистском понимании – это, прежде всего зафиксированный в законах, обычаях и классовом сознании исторический опыт как общества в целом, так и его отдельных классов и слоев» [7]. Необходимо отметить, что «исторический опыт» есть уже нечто идеальное. А культура, по-видимому, не вписывается в пределы материалистического понимания действительности. Ю.А. Тихомиров определяет политическую культуру как «усвоенное гражданами знание существа политики, природы политической власти и понимание

ими, осознание ценности активного участия в функционировании власти» [8].

Из анализа работ вышеперечисленных авторов по исследованию феномена политической культуры можно прийти к выводам, что изучение концепции отечественными учеными получило свое развитие с 70-х – 80-х годов прошлого столетия и имеет разнообразные варианты. Главный недостаток во всех представлениях политической культуры, на наш взгляд, сводится к неопределенности самого понятия «культуры».

При анализе причин и факторов, генерирующих межэтнические напряжения и конфликты на территории южного Кавказа, как правило, рассматриваются экономические, социальные и политические процессы. При этом из внимания незаслуженно выпадают такие важные компоненты политического процесса, как культурные, религиозные, психологические особенности и традиции, то есть политическая культура в широком классическом понимании.

Хотя политический конфликт связан с отношениями политической власти, авторитета доминирования, влияния, борьбы за властные полномочия, ресурсы, но глубинные причины политического конфликта часто лежат за сферой политики, и такой значимый фактор, как представляется, лежит в социальной сфере, в социальном воспитании, семейном укладе индивида, – все, что в итоге составляет национальный менталитет, традиции и ценности общества и народа.

Большинство конфликтов возникает в обществах с неравным уровнем благосостояния, экономическим и социальным неравенством. Плохие жизненные условия и большая разница между богатыми и бедными являются основными причинами возникновения конфликтов. К примеру, можно рассмотреть конфликты чеченцев, осетин, карачаевцев, дагестанцев со славянскими народами Российской Федерации или же конфликт абхазцев, осетин, армян Нагорного Карабаха и других народов Южного Кавказа, проживающих на территории Грузии, Армении и Азербайджана. Действительно, именно такого рода неравенства и различия стали причиной конфликтов в указанных районах. Как мы знаем, основной причиной возникновения «цветных революций» за пределами Российской Федерации является неравенство. С другой стороны, зоны конфликтов в основном находятся в стратегически важных регионах, так называемых буферных регионах, располагающихся между двумя противоборствующими сторонами, к примеру, как получилось с военной ситуацией в Чечне.

С точки зрения геостратегического положения, Кавказ располагается между континентальными и морскими государствами. Восток имеет для России огромное значение: во-первых, Восток – часть Российской Федерации, которая включает территорию между восточным плоскогорьем Уральских гор и Тихим океаном; во-вторых, восточные страны Азии. Исторически у русских сформировался образ Востока, согласно которому этот регион представляется неразвитым и является доступным источником недорогих природных материалов, которые можно использовать в производстве [9].

В Центральной Азии политический конфликт возникнет также на фоне геополитической борьбы между властью и бедностью, между бедными и богатыми. Но власть сосредоточена в руках правящих кругов и конкретного правительства, которое не желает разделять её ни с кем, особенно с народом. Этот регион расположен на юге Российской Федерации. Но, с другой стороны, главным фактором является экономика. Среди всех вышеупомянутых факторов главным все же является геополитический или, точнее, природный, то

есть наличие ресурсов. Нашей главной проблемой является поиск методов в геополитике для разрешения этнополитических проблем и конфликтов, а также обеспечение нормальных жизненных условий, разных этносов, повышение жизненного уровня и благополучия людей. Обязанность неправительственных организаций, а также каждого мыслящего человека - помочь малочисленным этносам, обществу, правительству и другим общественным организациям создать гражданское общество, посредством диалога и общения разрешить их проблемы, а также предотвратить возникновения новых этнополитических конфликтов. Ценности культуры этносов, а также достижения цивилизации - вот что должно быть использовано в первую очередь в качестве инструмента для решения этих задач. Государства же, напротив, всегда применяли власть, силу и военные средства для разрешения культурологических и политических проблем. Но, фактически, любой конфликт возникает на фоне экономических проблем, которые должны решаться мирными, а не военными средствами. Говорят, что люди враждебно относятся к тому, чего не могут понять. Необходимо научить людей понимать и научить их жить. История этнополитических конфликтов на Кавказе и способы их разрешения могут стать уроком в современном мире для государств и политических партий.

Угрозы безопасности в регионе Южного Кавказа можно условно разделить на четыре взаимосвязанные группы. Во-первых, угрозы больших этносов - малым; во-вторых, угрозы малых этносов - большим; в-третьих, транснациональные угрозы; в-четвертых, религиозные, межконфессиональные угрозы. Важно отметить, что все эти четыре группы политических конфликтов тесно взаимосвязаны между собой. В последнее десятилетие геополитическая конкуренция оказывала определенное влияние на этнополитические и религиозные конфликты, порой влекла за собой свержение правительств.

На наш взгляд, из нерешенных конфликтов на Южном Кавказе являются наиболее взрывоопасными следующие этнополитические конфликты: между Арменией и Азербайджаном – по Нагорному Карабаху, а также конфликты в Грузии между центральной властью во главе с Саакашвили и стремящимися к самоопределению народов Абхазии и Южной Осетии.

Так, Нагорный Карабах — это регион в западной части Азербайджана, в основном населенный армянами. Этнополитический конфликт по времени восходит к первому периоду независимости Армении и Азербайджана 1918-1920 гг. А вновь он вспыхнул в горбачевский период из-за стремления разделения народов Кавказа и разрушения Советского Союза в конце 1980 гг. – в период так называемой «гласности» [10].

Горбачевский режим не смог не только предупредить этот конфликт, но и положить конец восстаниям даже после того, как Армения и Азербайджан получили независимость в конце 1991 г. Этнополитический конфликт перерос в войну между двумя странами. Весной 1992 г. Армения и «силы самообороны» Нагорного Карабаха захватили контроль над всей провинцией и создали коридор в Армению. В 1993 г. силы Армении захватили шесть дополнительных населенных азербайджанцами районов за пределами Нагорного Карабаха, которые по сей день остаются под армянской оккупацией, причем была проведена массированная этническая чистка, свыше 700000 временно перемещенных лиц. И только в мае 1994 года было подписано соглашение о прекращении огня, которое пока соблюдается, но надолго ли.

Летом 1992 г. Абхазия официально объявила о своей независимости, что

вызвало нападение грузинских военизированных формирований в середине августа на Абхазию.

Следствием грузино-осетинского этнополитического конфликта 1989 – 1992 гг. были сотни убитых и раненых, а также тысячи беженцев с обеих сторон. Переговоры по мирному урегулированию, начавшиеся в 1995 г. под эгидой ОБСЕ и при посредничестве России, способствовали сближению сторон по многим вопросам. Грузия предложила Южной Осетии формальную автономию, в то время как Южная Осетия не могла отказаться от своей фактической независимости. На переговорах 2000 г. были предприняты существенные шаги к переговорам об окончательном статусе, однако с тех пор не так много было сделано. Хотя грузины и заявляли об упрощенном возвращении беженцев и перемещенных лиц, но на практике создавали препятствия для возвращения. Все это и привело к тому, что Абхазия обратилась за защитой своих интересов к России летом 2008 г.

Южная Осетия так же была одним из самых угнетаемых регионов Грузии. Разбой и насилие очень часто становились характерной чертой жизни стремящейся к независимости республики. Постоянными стали нападения со стороны Грузии на миротворческие силы, контрабанда процветала по пути следования автомобильных перевозок из России. А завершился конфликт агрессией Грузии по отношению к Южной Осетии и бомбежками Цхинвала летом 2008 г.

Сепаратизм подпитывается целым рядом факторов, и в таком государстве, как Грузия, центральное правительство осуществляет агрессивную власть, осуществляет геноцид малых этносов, но заигрывает на местах с элитами и кланами этих этносов, приватизируя местные региональные активы и устанавливая жесткий контроль над этими этносами. К примеру, некоторые члены этих кланов были назначены на высшие правительственные посты в Тбилиси и самом Джавахети. Однако регион объективно не может интегрироваться в политические процессы Грузии, поскольку основная часть малых этносов, включая правительственных чиновников и гражданских служащих, не знает грузинского языка и не желает жить под игом Грузии.

В последнее десятилетие в трех кавказских государствах: Азербайджане, Армении и Грузии наблюдается высокий уровень политического насилия, что ведет к страху населения за будущее этих стран. Политическая нестабильность и постоянные конфликты и так уже серьезно ухудшили экономическую ситуацию в регионе и отрицательно сказались на благосостоянии населения. В свою очередь, неудовлетворенность народов политикой существующих правительств усиливается хроническим дефицитом энергоресурсов, повышением тарифов на электроэнергию, разгулом коррупции, безответственностью правительства, растущим разрывом между властвующей «элитой», в руках которой сосредоточена вся экономическая и политическая власть.

В такой ситуации основной акцент в этноконфликтологической экспертизе, как представляется, необходимо сделать на выявлении конфликтогенных факторов, вызывающих и обостряющих типичные политические и этнополитические конфликтные ситуации во взаимоотношениях этносов в различных регионах Кавказа, в особенности тех, которые ведут к вооруженному насилию. На раскрытие дестабилизирующих и деструктивных последствий действия этих факторов, а также на поиск и обоснование возможных мер по их нейтрализации и должна быть направлена деятельность как государства, так и уче-

ных по предупреждению возможных политических и этнополитических конфликтов, а если они уже возникли, то по их мирному разрешению.

На этом принципе, на наш взгляд, как на фундаменте, должна базироваться национальная политика, если она хочет быть адекватной, эффективной и ориентированной на людей труда, а не на капитал.

Пока что этого о национальной политике сказать нельзя, как впрочем, нельзя сказать и того, что мы вообще имеем сейчас последовательную, целенаправленную и принципиальную политику в сфере национальных отношений и присущих им коллизий. Скорее, в этом отношении со стороны нынешних властей наблюдается сугубо ситуативный подход, стремление воздействовать на развертывающиеся и обостряющиеся межнациональные конфликты с точки зрения «целесообразности», задаваемой определенной политической позицией Запада и оценкой, зачастую весьма слабо опирающейся на предварительную конфликтологическую экспертизу и вытекающие из нее рекомендации.

Вот почему, на наш взгляд, правительству необходимо всесторонне изучать и технологически прорабатывать вопросы повышения политической культуры в регулировании межнациональных противоборств и развивать в политике такие ценности, как партнерские взаимоотношения Центра и регионов, без которых невозможно обеспечить развертывание и укрепление федеративных начал в национальной политике, по предупреждению и разрешению уже возникших как политических конфликтов в целом, так и этнополитических конфликтов в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
2. Бергер П.Л. Общество в человеке. Социология. – М., 1997. – 168 с.
3. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: «Логос», 1997. – 544 с.
4. Нугманов Р.Г. – Культурология: курс лекций. – Казань, 2002. – 68 с.
5. Политические исследования. «Полис». 2002. – № 2. – 192 с.
6. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России. «Социс». 1998. – № 5. – 95 с.
7. Университетская политология России / Сборник статей. – М.: Полис, 1999. – 256 с.
8. <http://www.cornellcaspain.com/sida/sida-cfl-2.html>, Erik Cornell

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества – М.: Наука, 1990. – С. 25.
2. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 162.
3. Нугманов Р.Г. Социальный анализ явлений культуры и выработка экзистенциальной концепции культурологи. Дисс. На соискание ученой степени доктора культурологи. – Казань., КГУ, 1999.
4. Нугманов Р.Г. – Культурология: курс лекций. – Казань: КГЭУ, 2002. – С. 68.
5. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: «Логос», 1997. – С. 440.
6. Almond GA., Verba S., The Civic Culture. 1995 p. 13.
7. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. – М.: междунар. отношения, 1974. – С.113.
8. Тихомиров Ю.А. Политическая культура в обществе зрелого социализма. – Политическое самообразование, 1978. – № 7. – С. 29.
9. Политические исследования, «Полис» 2002 . – № 2. – С. 58.
10. <http://www.cornellcaspain.com/sida/sida-cfl-2.html>, Erik Cornell.

O. Mironov

POLITICAL CULTURE IN ETHNOPOLITICAL CONFLICTS ON SOUTHERN CAUCASUS

The practical importance of a theme is caused by a modern state of affairs on Southern Caucasus and first of all – recent aggression of Georgia against South Ossetia and a recognition Russia and other countries independence of Abkhazia and South Ossetia. This importance is caused as by remaining intensity between Azerbaijan and Armenia concerning Nagornogo Karabaha and other problems which are available between them in modern conditions. The high theoretical importance of a theme of article since is not present in the modern politological literature of unequivocal representation either on political culture, or on ethno-political conflicts.

Key words: ethnopolitical conflicts, political culture, Southern Caucasus, social and economic situation, geopolitics, separatism.